

ВЫЧЕРКНУТЫЙ
ИЗ ЖИЗНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Вечером по средам мать Пола, окончив работу в муниципалитете, садилась на трамвай и отправлялась к мессе в церковь Меррион. Пол, прослушав лекцию по философии, которая начиналась в пять часов, заходил за ней по дороге из университета. Но в эту среду Пола задержал профессор Слейд, и когда, освободившись, он взглянул на часы, то решил идти прямо домой.

Был июнь, и чудесный тихий вечер придавал своеобразную прелесть даже прокопченным домам Белфаста. На фоне янтарного неба крыши и трубы этого города в Северной Ирландии вдруг утратили свою прозаичность и стали таинственно-прекрасными, как сказочный замок. Пол свернул на Лейм-роуд, тихую боковую улочку с плотно примыкающими друг к другу кирпичными домами, — в одном из них, под номером двадцать девять, он с матерью занимал трехкомнатную квартиру на первом этаже, — и вдруг почувствовал, как волна радости захлестнула его.

Пол постоял с минуту на крыльце — ничем не примечательный молодой человек, без шляпы, в поношенном шерстяном костюме, — глубоко вдыхая ласковый, тихий воздух. Затем круто повернулся и вставил ключ в замок.

На кухне пела канарейка. Подсвистывая птице, Пол снял пиджак, повесил его в прихожей, затем поставил на огонь чайник и принялся накрывать на стол к ужину. Через несколько минут никелированный будильник на каминной доске прозвонил семь часов, и он услышал шаги матери у двери. Пол весело поздоровался с ней, когда она вошла, — сухопарая,

утомленная женщина, в строгом черном платье, слегка согнувшаяся под тяжестью неизменной хозяйственной сумки.

— Извини, что не зашел за тобой, мама, — с улыбкой начал Пол. — Дело в том, что Слейд взял меня на работу. Или, вернее, почти что взял.

Миссис Бёрджесс пристально посмотрела на сына. Прядь тусклых, с сильной проседью волос, выбившаяся из-под видавшей виды шляпы, изборожденный морщинами лоб и прищуренные близорукие глаза усугубляли общее впечатление усталости. Но это напряженное выражение постепенно исчезло под открытым и веселым взглядом сына. Благодарение Богу, у него хорошее лицо, подумала она, не слишком красивое (и снова она возблагодарила Всевышнего за то, что он уберег ее сына от опасностей, которыми чревата излишняя красота), но прямое и открытое; быть может, чересчур худощавое (от усиленных занятий) — скулы так и выпирают, однако кожа чистая, здоровая, глаза серые, очень светлые, и высокий лоб обрамлен коротко остриженными каштановыми волосами. Да и сложен он хорошо — отличная фигура, только вот слегка загребает правой ногой при ходьбе, после давнишней футбольной травмы.

— Я рада, что все устроилось, сынок. И знаю: только серьезное дело могло помешать тебе зайти за мной... Элла и мистер Флеминг спрашивали о тебе.

Она скатала в клубок нитяные перчатки и, окинув хозяйским глазом стол, вынула из сумки ветчину, завернутую в пергаментную бумагу, и пакетик с маленькими пшеничными лепешками, которые любил Пол. Мать и сын сели за стол и, после того как миссис Бёрджесс прочитала молитву, принялись за скромный ужин. Пол видел, что мать довольна, хотя и старается это скрыть.

— Мне так повезло, мама: три гинеи в неделю. И занят я буду все девять недель — до самого конца каникул.

— И потом, все же какая-то перемена после того, как ты столько сидел не разгибаясь перед экзаменами.

— Конечно, — кивнул он. — Преподавать в летней школе — тот же отдых.

— Бог милостив к тебе, Пол.

Он подавил улыбку:

— Я должен сегодня вечером отнести профессору Слейду свидетельство о рождении, — заметил он.

Наступило молчание. Низко пригнувшись к чашке, мать взяла ложечку и сняла плававшую на поверхности чайнку.

— А зачем им понадобилось свидетельство о рождении? — каким-то глухим голосом спросила она.

— О, чистая формальность, — небрежным тоном пояснил Пол. — Они не хотят брать на работу студентов, которым нет двадцати одного года. Я еле убедил Слейда, что мне уже в прошлом месяце стукнуло двадцать один.

— Он что, не верит тебе?

Пол вскинул голову и в изумлении посмотрел на сидевшую напротив мать:

— Вот уж никак не ожидал от тебя такого предположения, мама! Он просто выполняет обычные формальности. Школьному совету требуется мое заявление вместе со свидетельством о рождении.

Миссис Бёрджесс ничего не сказала. И Пол после краткого молчания принялся в несколько юмористических тонах описывать свой разговор с профессором, одновременно выполняя обязанности директора летней школы в Портри. Допив третью чашку чая, он встал из-за стола. И это словно вывело из оцепенения мать.

— Пол, — вдруг остановила она его, — я... я не вполне уверена... Что-то не нравится мне эта идея насчет преподавания в Портри.

— Что?! — воскликнул он. — Но ведь мы уже сколько времени только об этом и говорим, мы оба так надеялись, что я смогу туда поехать.

— Это значит, что нам придется расстаться. — Она помолчала и снова опустила глаза. — Потом, тебе будет недоставать Флемингов по субботам и воскресеньям. И Элла будет очень огорчена. Лучше отказаться от этого намерения.

— Какая ерунда, мама! Ты волнуешься по пустякам.

Он с легким сердцем опроверг все ее доводы и, прежде чем она успела что-либо возразить, вышел в коридор, чтобы у себя в комнате написать заявление.

Это была маленькая комната, окнами на улицу, служившая одновременно спальней и кабинетом. По стенам, оклеенным светлыми обоями, висели в рамках фотографии футбольных и хоккейных команд. На каминной доске красовалось несколько кубков и прочих трофеев, которые Пол время от времени получал на университетских спортивных состязаниях. Под окном помещался книжный шкафчик, где наряду с популярными романами стояли и более серьезные книги — по преимуществу классика, — свидетельствовавшие о развитом и хорошем вкусе. В нише напротив, за зеленой ситцевой занавеской, виднелась узкая кровать, на которой он спал; у стены — простой стол, где рядом с расписанием занятий аккуратной стопочкой лежали записи лекций. Все здесь без слов характеризовало Пола, указывало, что у него здоровое тело и живой, восприимчивый ум. Если бы вам вздумалось отыскать в этой комнате какой-то недостаток, то за таковой могла бы сойти разве что педантичная аккуратность, говорившая об известной сухости ее обитателя, о его чрезмерном стремлении к безупречности, вероятно, под влиянием матери, склонной вечно учить и наставлять.

Пол присел к столу, отвинтил колпачок вечного пера и, распрямив плечи, прижав локти к бокам, по всем правилам заполнил бланк заявления. Потом внимательно его перечитал, желая удостовериться, что ничего не напутал, удовлетворенно кивнул и вышел в гостиную:

— Будь добра, мама, дай мне свидетельство. Мне хотелось бы скорее отослать все документы, чтобы они успели уйти с девятичасовой почтой.

Мать, сидевшая за неубранным столом все в той же позе, в какой он ее оставил, подняла голову.

— Я что-то не припомню, где оно, — неестественно звонким голосом, слегка покраснев, сказала она. — Так сразу мне его не найти.

— Ну что ты, мама! — Пол взглянул на комод с закругленными краями, где она хранила все свои бумаги, две-три фамильные драгоценности, Библию, очки и прочие мелочи. — Наверное, лежит у тебя в верхнем ящике.

Она смотрела на него, слегка приоткрыв рот, так что видны были плохо пригнанные искусственные зубы. Краска исчезла с ее лица. Она поднялась, вынула из сумочки ключ и отперла верхний ящик комода. Стоя спиной к Полу, она минут пять старательно там рылась, затем задвинула ящик и повернулась к сыну.

— Нет, — вяло проронила она. — Я не могу его найти. Его здесь нет.

Пол в досаде прикусил губу. Он был покорный и любящий сын, с детства воспитанный в строгости и послушании, но сейчас поведение матери казалось ему совершенно непонятным.

— Право, мама, это все-таки важный документ, — стараясь говорить спокойно, произнес он. — И мне он нужен.

— А откуда мне было знать, что он тебе понадобится? — Голос ее вдруг задрожал от обиды. — Бумаги вечно куда-то пропадают. А ты знаешь, что мне пришлось вынести: столько лет прожить без мужа, вырастить сына, одной нести бремя забот — это не всякой женщине по плечу. Сколько трудов стоило сохранить крышу у нас над головой, дать тебе хорошее образование! Уж поверь, мне было не до того, чтобы сберегать какие-то бумажки, которые к тому же и положить-то порой некуда.

Эта вспышка, совершенно несвойственная ее сдержанной натуре, немало озадачила Пола: он просто не находил объяснения. Но у матери было такое суровое лицо — предостерегающий знак, который он давно научился распознавать, — что лучше было не вступать с ней в препирательства. И он спокойно сказал:

— К счастью, можно ведь получить дубликат. Надо только написать в Лондон, в Сомерсет-Хаус¹. Я сегодня же это сделаю.

Она жестом отклонила предложение сына; теперь голос ее звучал уже спокойнее.

— Не твоя забота писать туда, Пол. — И, поймав его озадаченный взгляд, добавила: — Не будем волноваться из-за

---

¹ *Сомерсет-Хаус* — центральное хранилище записей рождения и смерти, зарегистрированных завещаний и т. п.

пустяков. У меня был сегодня не очень-то легкий день. А завтра я пошлю запрос о свидетельстве на бланке муниципалитета.

— Ты не забудешь?

— Пол!

— Извини, мама.

— Все будет в порядке, дорогой. — Дрожащая улыбка промелькнула на ее лице. — Теперь зажги газ. Я уберу со стола. Пора уже спать.

ГЛАВА 2

Следующие два дня Пол был очень занят. Университет Квинс закрывался на летние каникулы, и в связи с окончанием учебного года у Пола оказалось множество дел. По просьбе студентов ему предстояло аккомпанировать на ежегодном выступлении студенческого хора. Уйму времени заняли розыски куда-то завалившейся библиотечной книги. В последнюю минуту оказалось, что надо еще сдавать практическое занятие по химии, и Пол, как всегда, с волнением ждал результатов экзамена. И когда списки были вывешены, выяснилось, что он занял отнюдь не последнее место. Пола любили в университете: он был хорошим студентом, приятным собеседником и отличным спортсменом. Впрочем, популярность его могла бы быть и большей, если бы кое-кто из студентов, особенно медики — публика вообще малоприятная, — не высмеивал его исподтишка за примерное поведение и не обзывал святошей, когда он отказывался принять участие даже в невинных развлечениях.

Раз или два среди этой суеты Пол все же вспоминал недавнее объяснение с матерью; ее вид явно свидетельствовал о том, что она чем-то угнетена. Она нервничала, была бледнее обычного и то и дело погружалась в какую-то непонятную задумчивость. Правда, несмотря на властный от природы характер и суровые жизненные испытания, которые, казалось бы, должны были закалить ее, она частенько давала волю нервам. Помнится, в первые дни их жизни в Белфасте она

вздрагивала и менялась в лице от каждого стука в дверь. Но это было совсем не похоже на то, что творилось с ней сейчас, словно тайная тревога неотступно преследовала ее. И в четверг, и в пятницу она после ужина ходила к пастору и самому давнему их другу Эммануэлу Флемингу, настоятелю церкви Меррион, и примерно через час возвращалась оттуда, несколько успокоенная, но измученная, с покрасневшими глазами, в которых застыл испуг.

В четверг утром Пол напрямик спросил ее, получила ли она ответ из Сомерсет-Хауса.

— Нет, — ответила она.

Потом он несколько раз порывался расспросить ее подробнее, но привычка считаться с матерью и беспрекословно ее слушаться удерживала его. Ведь ничего плохого не могло быть, ровным счетом ничего. Однако странное поведение матери озадачивало его, и он пытался найти ему объяснение в прошлом. Но прошлое у Пола было такое простое и заурядное.

Первые пять лет своей жизни он провел на севере Англии, в Тайнкасле, где и родился. От этого периода в его памяти сохранились лишь смутные воспоминания о стуке клепальных молотков и пронзительном вое по утрам сирены, сзывавшей рабочих в доки. И он помнил отца — веселого, удивительно благодушного человека, который по воскресеньям брал сына за руку и отправлялся с ним в Джесмонд-Дин, где они пускали по пруду кораблики, сделанные из синей плотной бумаги. Когда сынишка уставал, отец садился с ним где-нибудь в тени на парковой скамейке и рисовал все, что попадалось на глаза: людей, собак, лошадок, деревья. Получались чудесные картинки, которые манили и разжигали детское воображение. А когда наступали будние дни, отец, возвращаясь вечером домой, неизменно приносил разноцветные фрукты из марципана: землянику на зеленых стебельках, желтые бананы, розовощекие персики, прелестные на вид и вкус, — все это изготовлялось кондитерской фирмой, где он служил коммивояжером. Вскоре после того, как был отпразднован день рождения Пола, семейство переехало в Уортли — боль-

шой город, расположенный в сердце Англии. От жизни там у Пола остались более серые и менее счастливые воспоминания: дым, дождь, толкотня на улицах, пламя, вылетающее из труб сталелитейных заводов, мрачные лица родителей и в завершение — отъезд отца по делам в Южную Америку. О, каким ударом была для мальчика потеря этого близкого веселого друга, с каким нетерпением он ждал его возвращения, а затем, словно в подтверждение предчувствий, теснившихся в детском сердце, каким неопишуемым горем была весть о том, что отец погиб в железнодорожной катастрофе под Буэнос-Айресом.

И вот печальный пилигрим, которому не было еще и шести лет, прибыл в Белфаст. Здесь, с помощью Эммануэла Флеминга, его мать поступила на работу в бухгалтерию городского отдела здравоохранения. Жалованье она получала маленькое, но все-таки это был постоянный источник существования, позволявший вдове иметь крышу над головой и, проявляя чудеса экономии и самопожертвования, дать образование сыну и подготовить его к преподавательской деятельности. Пятнадцать лет она тянула эту лямку, и вот он стоит на пороге окончания университета.

Оглядываясь назад, Пол подумал, какого напряжения стоила матери жизнь, вынуждая ее ограничивать свое существование в Белфасте крайне узкими рамками. Ведь мать никуда не ходила, если не считать частых посещений церкви. У нее не было иных знакомых, кроме пастора Флеминга и его дочери Эллы. Миссис Бёрджесс едва ли знала своих ближайших соседей. Из-за этого и Пол держался в университете обособленно, не проявляя общительности: ему всегда казалось, что мать неодобрительно относится к друзьям. Его это раздражало, однако он отлично сознавал, сколь многим обязан матери, да и вообще привык подчиняться ее требованиям, а потому терпел.

В прошлом он объяснял замкнутость матери ее чрезвычайной и воинственной религиозностью. Но, видя, как она ведет себя сейчас, подумал, нет ли тут какой-то другой причины. И ему пришел на память один случай: год назад он удостоился приглашения участвовать в международном соревновании

по регби между Ирландией и Англией. Казалось бы, ничто не могло больше польстить материнскому сердцу. Однако мать категорически запретила ему принять приглашение. Почему? Тогда он так и не смог найти ответ. А сейчас, казалось, он угадал причину. И в самом деле, весь ее образ жизни, это тщательно оберегаемое уединение, это желание избегать каких-либо знакомств, эта боязнь общения, это страстное упование на Всевышнего — все (и сердце у него сжалось от таких мыслей) указывало на то, что человек, ведущий такую жизнь, скрывает какую-то тайну. В субботу миссис Бёрджесс работала только полдня и в два часа уже пришла домой. К этому времени Пол принял твердое решение поговорить с ней начистоту. Погода испортилась, шел дождь. Миссис Бёрджесс, оставив зонтик в прихожей, вошла в гостиную, где сидел Пол и листал книжку. Ее вид испугал его: лицо у нее за эти дни стало совсем серым. Но держалась она спокойно.

— Ты ходил на ланч, сынок?

— Я съел бутерброд в клубе. А ты?

— Элла Флеминг угостила меня чашкой какао.

Он быстро вскинул на нее глаза:

— Ты опять была там?

Она устало опустила на стул:

— Да, Пол. Я опять была там. Молилась Всевышнему и просила, чтобы Он наставил меня.

Оба помолчали, затем Пол выпрямился и крепко сжал ручки кресла:

— Мама, так больше продолжаться не может. Творится что-то неладное. Скажи: ты получила наконец свидетельство?

— Нет, сынок. Не получила. Я даже и не писала туда.

— Но почему же?

— Потому что оно все время находилось у меня. Я солгала тебе. Оно и сейчас у меня — вот здесь, в сумочке.

Гнев Пола сразу остыл. Он в изумлении смотрел на мать, а она порылась в сумке, лежавшей на коленях, и вынула оттуда серовато-голубую, сложенную вчетверо бумагу.

— Долгие годы я скрывала это от тебя, Пол. Сначала думала, что не смогу — так мне было мучительно и трудно.

Услышав шаги на лестнице, чей-то громкий голос на улице, я начинала дрожать. «Вот сейчас он узнает все», — думала я. Но по мере того, как шли годы и ты вырослел, мне начало казаться, что с Божьей помощью все удалось... И однако же, Богу было угодно, чтобы все вышло наоборот. Я опасалась чего-то большого, серьезного, а вот ведь совсем ничтожный случай, такой пустяк, как преподавание в летней школе, — и мои труды пошли прахом. Может быть, все и так рано или поздно открылось бы. Во всяком случае, таково мнение пастора. Я просила его помочь мне оттянуть развязку. Но он сказал: «Нет». Сказал, что ты уже взрослый и должен знать правду.

С каждым словом волнение ее возрастало, и, хотя она и старалась держаться спокойно, из ее груди вырвался тяжкий стон. Рука, протягивавшая сыну свидетельство, дрожала. Словно во сне, Пол взял бумагу, взглянул на нее и сразу увидел, что там стоит другая, не его фамилия. Вместо «Пол Бёрджесс» значилось: «Пол Мэтри».

— Здесь какая-то ошибка. — Он замолчал, отвел взгляд от бумаги и пристально посмотрел на мать; фамилия Мэтри напоминала ему о чем-то. — Что это значит?

— Когда мы переехали сюда, я приняла свою девичью фамилию — Бёрджесс. А вообще, я — миссис Мэтри, отца твоего звали Риз Мэтри, а ты — Пол Мэтри. Но мне хотелось забыть это имя. — Губы ее задрожали. — Мне хотелось, чтобы ты никогда не знал его и не слышал.

— Почему?

Снова наступило молчание. Миссис Бёрджесс опустила глаза и еле слышно сказала:

— Чтобы ты избег... страшного позора.

Сердце у Пола бешено колотилось, он ждал не шевелясь, когда она вновь заговорит. Однако это, казалось, было выше ее сил. Она в отчаянии взглянула на сына:

— Не заставляй меня продолжать, сынок. Мистер Флеминг обещал обо всем тебе рассказать. Иди к нему. Он тебя ждет.

Пол видел, что продолжать разговор для нее — пытка, но он ведь тоже страдал и потому был беспощаден.

— Продолжай, — еле слышно сказал он. — Ты обязана рассказать мне все.

Она заплакала — ее узкие плечи содрогались от конвульсивных рыданий. Никогда прежде Пол не видел мать в слезах. Немного погодя она судорожно глотнула воздух, как бы собираясь с силами, и, не глядя на сына, пробормотала:

— Твой отец не умер по пути в Южную Америку. Он пытался уехать туда, но был задержан полицией.

Пол ожидал всего, но только не этого. Сердце у него замерло, потом пульс учащенно забился где-то у самого горла.

— За что? — прерывающимся голосом спросил он.

— За убийство.

В маленькой комнатке наступила тишина. Убийство. Страшное слово эхом отдавалось в мозгу Пола. Он весь обмяк. Тело покрылось холодным потом, и он прерывистым шепотом спросил:

— Значит... его повесили?

Мать покачала головой, в ее глазах отразилась ненависть.

— Нам было бы лучше, если бы это было так. Его приговорили к смерти... но в последнюю минуту приговор отменили... Он отбывает пожизненное заключение в тюрьме Стоунхис.

ГЛАВА 3

Дом пастора Флеминга, расположенный в деловом центре Белфаста, недалеко от Большого Северного вокзала, был уродливым узким строением, выкрашенным в серый цвет, под стать примыкавшей к нему церкви. Хотя Пол чувствовал безмерную физическую усталость, словно его долго колодили, — в пору забиться куда-нибудь в угол и не вылезать, — неудержимое желание узнать правду заставило его выйти на мокрые, сверкавшие огнями улицы, где шумела субботняя толпа, и отправиться к пастору. Мать, придя в себя после обморока, легла в постель. А он понимал, что не заснет, пока не узнает подробностей, пока не узнает всего. В ответ на его

стук в холле пасторского дома зажегся свет, и Элла Флеминг открыла дверь:

— А, Пол! Входи.

Она провела его в гостиную — комнату с низким потолком, уставленную мягкой мебелью и казавшуюся очень уютной благодаря темно-красным портьерам и огню, пылавшему в камине.

— Отец сейчас занят с каким-то прихожанином. Но это ненадолго. — На ее лице появилась слабая, приличествующая случаю улыбка. — На улице так сыро. Я приготовлю тебе какао.

Элла считала чашку какао панацеей почти от всех бед, что было вполне естественно для дочери приходского пастора, а Пол, хотя и вовсе не жаждал вкусить этого безобидного напитка, был слишком измучен, чтобы отказаться. Кажется это ему или безмятежность Эллы и в самом деле наигранна, а слегка поджатые губы указывают на то, что она знает о его беде? Пол машинально опустил в кресло; тем временем Элла принесла из кухни поднос, положила в чашку сахар и какао и, помешивая ложечкой, налила кипятку.

Она была на два года старше Пола, но стройная фигура с тонкой талией и бледное лицо делали ее похожей на девочку. Глаза у нее были зеленовато-серые, большие и выразительные. Ясные и мечтательные, они могли наполняться слезами и даже способны были метать молнии. Элла всегда заботилась о своей внешности, и сейчас на ней была скромная плиссированная юбка, черные чулки и свободная белая, тщательно отглаженная блузка с круглым вырезом.

Пол принял из ее рук чашку и молча выпил какао. Раз или два Элла отрывалась от вязания и вопросительно поглядывала на него. Она была от природы разговорчива и умела поддерживать оживленную беседу: роль хозяйки, которую она взяла на себя в доме овдовевшего отца, привила ей известную светскую непринужденность. Но сегодня после нескольких замечаний о том о сем, на которые Пол никак не откликнулся, она лишь молча сдвинула свои красиво очерченные брови.

Вскоре из коридора донеслись голоса, затем хлопнула входная дверь. Элла тотчас поднялась:

— Я скажу отцу, что ты здесь.

Она вышла из комнаты, и мгновение спустя появился сам пастор Эммануэл Флеминг. Это был мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с большими нескладными руками. Одежда его не отличалась изысканностью: темные брюки, грубые рабочие башмаки и черный пиджак из альпаки, побелевший на швах. Его борода отливала сединой, но в широко раскрытых глазах застыло детски-наивное выражение.

Он подошел к Полу, с излишним пылом пожал ему руку, затем с подчеркнутым дружелюбием обнял за плечи:

— Ты пришел, мой мальчик. Я очень рад. Пойдем побеседуем.

Он повел Пола в свой кабинет — маленькую, спартанского вида комнату в глубине дома, с испещренным пятнами дощатым полом, в которой стояло лишь бюро светлого дуба с выдвижной крышкой, несколько дешевых стульев и застекленный книжный шкаф. Уродливые часы из зеленого мрамора, поддерживаемые золотыми ангелами, — чей-то дар — неуклюжей громадой возвышались на хрупкой каминной доске, накрытой дорожкой с бахромой из бархатных шариков. Усадив гостя, пастор медленно опустился на свое место за бюро.

— Дорогой мой мальчик, это было для тебя, конечно, страшным ударом, — помедлив немного, дружеским, исполненным сочувствия тоном начал он. — Но главное, помни: такова воля Господа. Тогда тебе легче будет примириться с тем, что произошло.

Пол с трудом склотнул — в горле у него пересохло.

— Как я могу с чем-то мириться, когда не знаю, что произошло. Я должен все знать.

— Это печальная и тяжелая история, мой мальчик, — нахмурившись, произнес пастор. — Стоит ли ворошить прошлое?

— Нет, я хочу, чтобы мне все рассказали. Я должен выслушать эту историю, а не то мне все время будет казаться... — Он не договорил.

Наступило молчание. Пастор Флеминг, опершись локтем на бюро, прикрыл глаза большой рукой — казалось, в глубине души он взывал к Всевышнему о помощи. Это был добрый

и благонамеренный человек, который уже давно, не жалея сил, трудился на ниве Божьей. Но взгляды его были довольно ограниченны, и он нередко с грустью признавался себе, что все его усилия и старания пошли прахом. Он был одиноким и частенько предавался самобичеванию, корил себя даже за любовь к дочери, так как сознавал ее недостатки, мелочность, тщеславие, но слишком любил Эллу, чтобы попытаться это исправить. Трагедия его заключалась в том, что он жаждал быть святым, верным учеником Христовым, способным исцелять одним своим прикосновением и дарить радость пастве, проповедуя слово Господне, которое он сам так хорошо понимал. Ему хотелось парить в заоблачных высях. Но, увы, язык его был неуклюж, а ноги с трудом передвигались — словом, он был прочно привязан к земле. Вот и сейчас пастор заговорил запинаясь, сухие, педантичные фразы слетали с его уст:

— Двадцать два года тому назад в Тайнкасле я обвенчал Риза Мэтри с Ханной Бёрджесс. Я знал Ханну уже несколько лет, она была одной из любимых моих прихожанок. Риза я не знал раньше, но это оказался приятный молодой человек с хорошими манерами, уроженец Уэльса. Он мне понравился и внушил доверие. У него было прекрасное место — он работал представителем крупной кондитерской фирмы в Северных графствах. Все говорило о том, что они должны быть счастливы, особенно после того, как у них родился сын. Я, дорогой мой мальчик, и окрестил тебя Полом Мэтри.

Он помолчал, как бы взвешивая то, что ему предстояло сказать.

— Не стану отрицать, в вашем семействе не всегда царило согласие. Твоя матушка была очень религиозной, как и подобает истинной христианке, тогда как отец, мягко говоря, придерживался более широких взглядов, и это, естественно, приводило к конфликтам. Мать, например, была решительно против употребления вина и табака — предубеждение, которого отец никогда не мог понять. К тому же работа вынуждала его проводить по крайней мере неделю в месяц вне дома, что, очевидно, разбалтывало его. А потом он любил заводить друзей, я сказал бы даже, что их было у него слишком много,

так как он был красивый, приятный малый, и друзья эти не всегда оказывались людьми достойными. Мэтри встречался с ними в бильярдных, барах и прочих злачных местах. И все же вплоть до ужасных событий двадцать первого года ни в каких серьезных проступках я не мог его упрекнуть.

Пастор вздохнул, отнял руку ото лба и, сложив вместе кончики толстых пальцев, устремил страдальческий взор куда-то вдаль, словно там вставали перед ним грустные картины прошлого.

— В январе тысяча девятьсот двадцать первого года фирма, где работал твой отец, произвела некоторые перемещения служащих, в результате чего родители переехали вместе с тобой в Центральные графства Англии. Надо сказать, что за несколько месяцев до этого меня самого перевели сюда, в Белфаст, но я переписывался с твоей матушкой. И должен признать, ваша жизнь в Уортли с самого начала не клеилась. Отец твой, видно, был обижен тем, что его перевели в такое место, где не очень-то развернешься. Да и матушке там не слишком нравилось. Уортли — серый, несимпатичный город, хотя и с красивыми окрестностями. К тому же твои родители никак не могли подыскать себе подходящий дом и без конца переезжали из одних меблированных комнат в другие. И вот в сентябре — точнее, девятого числа — твой отец вдруг объявил, что терпению его пришел конец. Он сказал, что хочет бросить работу и предлагает всем семейством перебраться в Аргентину: там-де им будет лучше. Он заказал три билета на пароход «Восточная звезда», который отплывал пятнадцатого сентября. Тринадцатого он отправил тебя с матерью в Ливерпуль, где вы должны были дожидаться его в отеле «Грейт централ». А сам четырнадцатого поздно вечером сел на поезд и выехал вслед за вами из Уортли, но с вами не встретился. Когда в два часа ночи он прибыл в Ливерпуль на Центральный вокзал, на платформе его ждала полиция. После отчаянного сопротивления Мэтри был арестован и отвезен в тюрьму на Кэнон-стрит. Бог мой, я до сих пор помню, какой это был ошеломляющий удар! Ведь его обвинили в преднамеренном убийстве.

Наступило долгое, напряженное молчание. Пол сидел в кресле неподвижно, точно загнипнотизированный. Затаив дыхание, он ждал, что будет дальше.

— В ночь на восьмое сентября было совершено удивительно жестокое, страшное убийство. Мона Сперлинг, хорошенькая молодая женщина двадцати шести лет, работавшая в цветочном магазине близ Леонард-сквер, была зверски зарезана у себя в квартире, в доме номер пятьдесят два на Ошострит в Элдоне, одном из ближайших пригородов Уортли. Преступление было совершено между восемью часами и десятью минутами девятого. Вернувшись с работы в половине восьмого, мисс Сперлинг, видимо, перекусила, затем переоделась в воздушный пеньюар, в котором ее и нашли убитой. В восемь часов супруги Прасти, занимавшие квартиру этажом ниже, услышали необычную возню на верхнем этаже, и Альберт Прасти, поддавшись уговорам жены, пошел посмотреть, что там происходит. Он громко постучал в дверь верхней квартиры, но на его стук никто не откликнулся. Несколько озадаченный этим обстоятельством, он стоял на площадке, раздумывая, что предпринять, как вдруг на лестнице появился молодой рассыльный из прачечной по имени Эдвард Коллинз с пакетом белья. В ту же минуту дверь квартиры Сперлинг распахнулась, оттуда выскочил мужчина и, пробежав мимо них, ринулся вниз по лестнице, а Прасти с Коллинзом бросились в квартиру и в гостиной обнаружили мисс Сперлинг: она лежала на коврике у камина с перерезанным горлом, в луже крови. Мистер Прасти тотчас побежал за доктором. Тот немедленно прибыл на место происшествия, но это уже ничего не дало, так как женщина была мертва. Послали за полицией. Приехал местный полицейский хирург и инспектор по фамилии Сванн. Сначала казалось, что убийца не оставил никаких следов, но через некоторое время были обнаружены три предмета, которые могли послужить ключом к разгадке. Инспектор Сванн нашел в бюро почтовую открытку с рисунком, сделанным от руки. Открытка была отправлена всего неделю назад из Шеффилда, на ней было написано: «В разлуке сердце полнится любовью. Не поужинаешь ли со мной у Друри, когда вернусь?» И стояла подпись: «Бон-бон».

Кроме того, он нашел записку с обгоревшими краями; подписи на ней не было, только штамп от восьмого сентября и несколько слов: «Я должен непременно увидеть тебя сегодня вечером». И наконец, на коврике у камина, рядом с убитой, лежал кошелек для мелочи в виде мешочка, закрывающегося с помощью металлического кольца; кошелек этот был сделан из очень мягкой и необычайно тонкой кожи. В нем оказалось около десяти фунтов банкнотами и серебром. На основании показаний Эдварда Коллинза и Альберта Прасти было тотчас составлено описание выбежавшего из квартиры человека и предложена большая награда тому, кто сообщит о его местонахождении. На следующий день хозяйка местного прачечного заведения явилась в полицейский участок вместе с одной из своих гладильщиц, семнадцатилетней девушкой по имени Луиза Бёрт. Выяснилось, что Луиза, приходившаяся двоюродной сестрой Эдварду Коллинзу, рассыльному этой прачечной, в тот вечер, когда было совершено преступление, ездил с ним на Ошо-стрит и поджидала его в тупичке. Ей не очень-то улыбалось лазить с ним по лестницам. И вот, пока она ждала его, из дома номер пятьдесят два выскочил какой-то человек, который чуть не сшиб ее с ног. Она описала этого человека. Таким образом, у полиции было уже три свидетеля, видевших преступника.

Пастор Флеминг умолк и смущенно посмотрел на молодого человека своими добрыми, бесхитростными глазами.

— Не очень-то приятно касаться некоторых обстоятельств, Пол, но — увы! — они имеют прямое отношение к этой трагической истории. Словом, Мона Сперлинг — женщина, не отличавшаяся высокой моралью, — была довольно близко знакома со многими мужчинами, а с одним из них находилась в постоянной связи. Никто не знал, кто этот человек, но ее товарки — другие продавщицы — утверждали, что в последнее время Мона была чем-то взволнована и расстроена. Однажды они даже слышали, как она раздраженно упрекала кого-то по телефону: «С кого же мне еще спрашивать, как не с тебя!» И еще: «Если ты меня бросишь, я тебя выведу на чистую воду». Наконец, вскрытие тела выявило еще одно прискорбное

обстоятельство: убитая была беременна. Итак, причина убийства казалась ясной: женщину, конечно, зарезал тот, кто был повинен в ее состоянии. Возможно, она надоела ему. А когда стала угрожать, он назначил ей письмом свидание и убил. Вооруженная этими данными, полиция все и вся поставила на ноги, чтобы разыскать убийцу. В газетах появились снимки рисованной открытки с подписью «Бон-бон», и лиц, знающих ее отправителя, просили сообщить об этом в полицию Уортли. Все железнодорожные вокзалы и морские порты были взяты под наблюдение — почти неделю шли поиски. Затем, тринадцатого сентября, поздно вечером, помощник букмекера по имени Гарри Рокка попросил начальника полиции принять его. Волнуясь, этот человек сказал, что хочет дать показания. Он признался, что состоял в близких отношениях с покойной, и даже сообщил, что был с ней вечером накануне убийства. Затем заявил, что знает того, кто послал открытку. Это один его приятель, с которым они часто играют в бильярд и который неплохо рисует. Некоторое время тому назад он познакомил этого молодого человека с Моной Сперлинг. Кроме того, когда в печати появились фотографии открытки, его приятель пришел к нему крайне взволнованный и сказал: «Если кто-нибудь спросит тебя, где я был восьмого вечером, скажи, что играл с тобой в бильярд в отеле „Шервуд“». Этого, разумеется, было вполне достаточно. Один из полисменов в сопровождении инспектора Сванна немедленно отправился по адресу, который дал им Рокка. Там они узнали, что нужный им человек сел в ливерпульский экспресс, отошедший с вокзала на Леонард-сквер всего час назад. Естественно, последовал его арест в Ливерпуле. Арестовали, Пол, твоего отца.

Снова наступило молчание. Пастор налил себе воды из графина, стоявшего на бюро, и слегка смочил губы. Затем, сосредоточенно насупив брови, продолжил:

— Случилось так, что Альберт Прасти, главный свидетель, был прикован к постели острым приступом астмы. Он держал табачную лавочку, где продавал сигареты собственного изготовления, и никотиновая пыль частенько вызывала

у него приступы этой болезни. Но двое других свидетелей были немедленно отвезены в Ливерпуль. Их сопровождал полисмен и инспектор Сванн. Там перед ними выстроили десять человек, и они, ни минуты не колеблясь, тотчас указали на твоего отца как на человека, которого видели в вечер убийства. В их уверенности было даже что-то страшное. Эдвард Коллинз воскликнул: «Вот он, ей же богу, он!» — а девушка — Луиза Бёрт — от сознания лежавшей на ней ответственности громко, истерически разрыдалась. «Я знаю, что надеваю на его шею петлю, но это — он!» — воскликнула она.

Общественное мнение было чрезвычайно возбуждено против преступника. Решив уберечь твоего отца от разъяренной толпы, полицейские сняли его в Барбридже с поезда и в закрытом фургоне привезли в тюрьму Уортли. О Господи, милый Пол, я совсем истерзал тебе сердце! Суд начался пятнадцатого декабря в Уортли под председательством судьи Омэна. В какой тревоге жили мы все эти роковые дни! Одного за другим вызывали свидетелей, и те давали свои убийственные показания. При обыске в чемоданах отца была обнаружена бритва, которую медицинские эксперты признали как орудие преступления. Эксперт-каллиграф удостоверил, что полубогоревшая записка, в которой назначалось свидание и которая была найдена на квартире убитой, написана Мэтри, только левой рукой. Многие видели, как он заходил в цветочный магазин и, покупая себе цветок в петлицу, весело смеялся и судачил с мисс Сперлинг. И так далее и так далее. Намерение бежать в Аргентину, ожесточенное сопротивление, оказанное полиции, — все говорило против него. И самым губительным была его роковая попытка установить ложное алиби с помощью Рокки. Наконец настал его черед давать показания, но — увы! — он не сумел себя защитить, сбивался, терял самообладание и даже кричал на судью. Мэтри не мог сказать ничего определенного относительно того, где был, когда произошло убийство, и только твердил, что провел часть этого злополучного вечера в кино. Но это жалкое объяснение было поднято на смех прокурором. Сгустившуюся тьму пробил всего один слабый луч надежды. Альберт Прасти, хотя и признал, что

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫЧЕРКНУТЫЙ ИЗ ЖИЗНИ

Перевод Т. Кудрявцевой и Н. Ман 5

СЕВЕРНЫЙ СВЕТ

Перевод И. Гуровой и Т. Кудрявцевой 305

Кронин А.

К 83 Вычеркнутый из жизни ; Северный свет : романы / Арчибалд Кронин ; пер. с англ. Т. Кудрявцевой, Н. Ман, И. Гуровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 544 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-16509-0

Пол Мэтри, будучи уже взрослым, узнает новость, которая кардинально переворачивает его жизнь: оказывается, его отец отбывает наказание в тюрьме за жестокое убийство девушки... С этого момента перед Полом встает только один вопрос: виновен ли отец на самом деле и как найти истинные причины и обстоятельства уже давно забытой всеми трагедии? Ему предстоит распутать дело 15-летней давности...

Генри Пейдж — редактор и владелец газеты «Северный свет», ставшей своего рода местной традицией в маленьком городке. На протяжении пяти поколений газета постепенно приобрела прочную репутацию принципиальности, объективности и добросовестности в подборе материала. И вот теперь могущественный газетный трест хочет ее купить. Но Генри не желает продавать газету и все силы отдает на борьбу с безжалостной монополией, чтобы сохранить свою веру, свою семью и даже саму свою жизнь.

«Вычеркнутый из жизни» и «Северный свет» написаны в великолепной повествовательной традиции таких романов Кронины, как «Замок Броуди», «Ключи Царства», «Цитадель».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
ВЫЧЕРКНУТЫЙ ИЗ ЖИЗНИ
•
СЕВЕРНЫЙ СВЕТ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Татьяна Бородулина, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 13.08.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ILN-24957-01-R